Текст · 15 июня 2026, 13:25
Дарья Серегина,

«Папа в оккупации, маму замучили на подвале, один брат погиб, второй воюет». Как война разрушила жизнь одной семьи из Запорожской области

С начала полномасштабной войны российские власти повторяют, что гражданскому населению Украины нечего бояться. «Медиазона» рассказывает историю одной семьи, которая жила и мирно трудилась в шахтерском городке Днепрорудное: 47-летняя Нонна Галка и ее племянник Виктор отбывают 15 лет по обвинению в шпионаже, старшая сестра Нонны Наталья погибла через два месяца после задержания, а их мать Людмила умерла, не дождавшись дочерей на воле.

«Вы осуществляли деятельность, направленную на дискредитацию органов власти Российской Федерации, военно-гражданской администрации Запорожской области, препятствовали работе органов социального обеспечения, чем дестабилизировали социально-политическую обстановку в Запорожской области. За указанные действия, в соответствии с указом главы ВГА Запорожской области "О мерах ответственности за совершение отдельных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность" №145-у от 14.07.2022 года, к вам применяется мера наказания в виде принудительного выдворения за пределы территории Запорожской области». Этот текст человек в балаклаве по бумажке зачитывает

испуганному мужчине, который стоит со связанными руками на обочине пустынного шоссе.

— Вам понятно?

— Да.

Дружинник[1] в балаклаве отдает мужчине паспорт.

— Направо. Побежал! Кто быстрее? Кто быстрее?

Мужчина неуклюжей трусцой отправляется в сторону блок-поста.

Летом 2022 года, когда назначенный Россией губернатор Запорожской области Евгений Балицкий опубликовал упомянутый дружинником указ, в государственных информагентствах и околовоенных телеграм-каналах стало появляться много подобных видео.

контент по ссылке

Telegram

ТАСС

Жителя села Розовка на освобожденной территории Запорожской области принудительно выдворили за пределы региона за то, что он пытался препятствовать работе органов военно-гражданской администрации и дестабилизировать социально-политическую обстановку в районе. Об этом сообщили в ВГА Запорожской области. Видео: ВГА Запорожской области

https://t.me/tass_agency/149753

По данным «Медиазоны», как минимум троих жителей села Скельки[2] Запорожской области, ставших героями подобных роликов, с

оккупированной территории на самом деле не выпустили. После съемок у блок-поста они еще полгода провели в плену — мужчины копали окопы, женщина стирала вещи российским солдатам — а потом вернулись домой с обязательством регулярно отмечаться в полиции и быть готовыми к обыскам.

Оккупация

«Мы спали одетые — по очереди, по три часа, чтобы, если придут среди ночи, кто-то один был не сонный, быстро открыл двери и дал им документы. Потому что некоторые могли двери расстрелять, а если ты открыл и долго возишься с документами, мог прикладом по голове получить или пулю в колено, это кому как захочется», — вспоминает Ирина из Скелек жизнь в оккупации.

Она рассказывает: как только в селе установилась новая власть, тех, кто отказался сотрудничать — сначала бывших «атошников»[3], а потом полицейских, медиков и учителей — начали забирать «на подвалы».

«Я знаю, как держали пацанов. У нас соседа забирали — две недели кровью писал. Люди возвращались оттуда без зубов, с поломанными пальцами, ребрами, отбитыми почками. А если их выпускали, потом нужно было каждое утро в полиции отмечаться», — говорит Ирина.

Алексей[4] из соседнего города Днепрорудное[5] рассказывает, что местные жители встретили

российских военных баррикадами и «три дня без оружия держали оборону».

«Матвеев[6] пошел на переговоры, и в результате войска в город пустили. А буквально через несколько дней Матвеев пропал. Это был первый человек, который пропал у нас в городе, — вспоминает Алексей. — Месяцев семь здесь была практически голодовка: продуктов вообще не было, я тогда научился печь хлеб».

По словам Алексея, в городе с населением 18 тысяч[7] многие «без вести пропали», а некоторые после «воспитательных работ» возвращались домой с выбитыми зубами и сломанными ребрами. «Вояки», рассказывает мужчина, «бухали и беспредельничали», осенью 2022 года им запретили отпускать алкоголь.

Некоторые горожане подстроились под новую власть, другие «боялись дышать, спать и выпускать детей на улицу».

«Ну, многое можно вспомнить. Ты заходишь на рынок, а там он со своей пассией, в руках автомат. Она говорит: "Какие красивые серьги". Он подходит, автоматом тыкает тебе в ребра: "Снимай", — рассказывает Ирина. — Если дети слышали, что едет тяжелая техника, они знали, что надо забегать в дом и закрывать двери на все замки. Потому что по улице ходить нельзя. Потому что у них оружие, и они цари».

Ирина уехала на подконтрольную Украине территорию летом 2022 года, испугавшись слухов, что детей, которые не пойдут в российские школы, будут

забирать из семей. Ее кума, 43-летняя[8] Нонна Галка, осталась.

Семья

Нонна, младшая из троих детей, родилась в Кривом Роге, но большую часть жизни прожила в Днепрорудном. В 1990-х, вспоминает ее земляк Алексей, работы в городе было немного: приходилось выбирать между шахтой[9] и заводом строительно-отделочных машин.

На заводе работали и родители Нонны: мать Людмила специалистом-гальваником[10], отец — токарем. Он умер в 1998-м, несколько месяцев не дожив до пятидесяти.

«С утра попил крепкого чая, пошел на работу, там у него скакнуло давление. Потерял сознание, упал и ударился головой об лист металла. Проломил голову», — рассказывает Алексей.

Сама Нонна, по словам ее кумы Ирины, тоже привыкла к тяжелому труду: занималась забоем на птицефабрике, потом работала в теплицах. Она рано вышла замуж и с разницей в десять лет родила сыновей Александра и Евгения.

Отношения с первым мужем у женщины не сложились. Как вспоминает Алексей, тот «начал подбухивать от души, перестал дома появляться, ушел в загул — из-за этого постоянные скандалы, с работы выгнали. А там и мамочка подключилась: сынок хороший, а ты какая-то не такая». Нонна

решила развестись и, как говорит Алексей, долго судилась за алименты — «вроде как что-то высудила».

Брат Нонны Дмитрий в 1990-е принадлежал к компании местных спортсменов, которые «за своих девок и свои улицы воевали капитально», занимался «и боксом, и карате — всем по чуть-чуть». Поработав, по примеру родителей, на заводе, он перешел на шахту. Недолго был женат, но, когда его сыну Виктору было около полутора лет, развелся и с ребенком больше не общался.

Старшая сестра Наталья тоже какое-то время работала на заводе, но когда ее муж демобилизовался из армии, уволилась и стала домохозяйкой.

Нонна после развода недолго пожила у матери в Днепрорудном, а потом с младшим сыном переехала в Скельки. Там она познакомилась с соседом своей кумы Ирины Романом. Алексей рассказывает, что тот «занимался перевозкой продуктов по области и иногда с рыбаками ходил», несмотря на инвалидность из-за «проблем с кистью», а сама Ирина называет Романа «бывшим ментом».

Хотя у Нонны и Романа вскоре родился общий ребенок, расписываться они не стали, а третьему сыну Анатолию женщина дала фамилию первого мужа — Галка. В последние годы перед войной она не работала, занималась детьми и хозяйством.

2019 год стал для всей семьи сложным: Дмитрий перенес инсульт, доработал «вредный шахтерский стаж» и ушел на пенсию, а Нонне пришлось делать «достаточно сложную» операцию из-за язвы. Через

пять месяцев у женщины случился рецидив, «спайка в кишечнике», и ее отвезли на вторую операцию в Запорожье. Оплачивать лечение помогали брат и сестра.

«Из-за удаления части желудка и проблем с кишечником у нее было спецпитание. Ей нельзя нервничать: случись что, у нее сразу начинались боли и обострения. Ну и вены: тромбоз, варикоз», — рассказывает Ирина.

Когда Нонна переехала в Скельки, ее старший сын Александр остался с бабушкой в Днепрорудном, поближе к работе — после колледжа он устроился на шахту. Туда же переехал и сын Дмитрия Виктор, которому надоело, что семья матери вчетвером ютится в однокомнатной квартире. Почти ровесники, двоюродные братья вместе работали на шахте и дружили. По словам Алексея, Виктор часто появлялся и у тетки Натальи — «постираться, пообщаться, все такое».

«В планах у бабушки было, что ее четырехкомнатная квартира перейдет Саше и Вите в равных долях», — вспоминает Ирина.

Подруга Виктора Ольга[11] говорит, что он всегда

«вел себя очень достойно, как настоящий мужчина»: было время, когда из-за безденежья молодой человек питался «только овощами», но от помощи отказывался и говорил, что «никогда не примет от девушки деньги».

«Его дни проходили: дом-работа. Выходил на рынок за продуктами и, дай бог, раз в неделю на часик к

родственникам сходить. Дома играл в *Counter-Strike-*, чинил телефоны и компьютеры за небольшую плату, любил смотреть аниме — его очень привлекает азиатская культура. Слушал казахские песни и часто мне говорил, что мечтает побывать в Казахстане и Японии, у него на спине большое тату в японском стиле», — вспоминает Ольга.

По ее словам, Виктор хотел скопить деньги на выезд из оккупации.

Ирина говорит, что предлагала Нонне уехать вместе с ней. «Она говорила, что денег нет, я отвечала: я одолжу, я заплачу за этот выезд. За то, чтобы тебя вывезли, действительно нужно было заплатить довольно немалые деньги. Но она не хотела, боялась оставить своего гражданского мужа. А Рома не хотел уезжать, да и мужчин не очень охотно выпускали тогда», — объясняет Ирина.

Роман, рассказывает она, сразу после оккупации пошел работать на местную водокачку, которую взяли под контроль военные. Он убедил Нонну принять российское гражданство.

«Ну, у нас в городе была такая делюга: в ряды Российской Федерации вступали добровольно-принудительно. Я лично видел: вояки на площади увидели человека без документов, ухайдокали его от души, что он кровью чуть ли не рыгал, свободен. Еще раз попадешься, все», — рассказывает Алексей.

Похищение

6 июня 2023 года Виктор не вернулся с шахты.

«Он с работы не пришел, потом к матери Нонны явились пять человек в масках на обыск. Все забрали: документы, ноуты, телефоны, — вспоминает этот день жительница Днепрорудного Анна[12]. — Куча всего происходило: его вещи так и не вернули, всех на допросы вызывали».

Подруга Виктора Ольга говорит, что испугалась, когда он перестал отвечать на ее сообщения, которые мессенджер при этом помечал как прочитанные.

«Через третьи руки получилось узнать, что его подняли наверх прямо посреди смены и в рабочей робе забрали. Его много людей знает на шахте, но все молчали, боялись рассказывать. Родственники ходили везде, где только можно, но везде говорили, что такого человека у них нету или что его вывезли в Мелитополь», — вспоминает девушка.

Через месяц после исчезновения Виктора пришли к Нонне и Наталье. Ирина считает, что силовиков интересовали не сами сестры, а их сыновья: Александр ушел в ВСУ добровольцем на следующий день после начала полномасштабной войны, а сыновья Натальи Антон и Виктор служили с 2014 года. Вместе с Нонной и Натальей забрали и их мужей.

«Я сразу писать письма. В РОВД Днепрорудного мне ответили, что гражданка Галка Нонна Николаевна выехала в Крым и работает на швейной фабрике. Я написала туда: мне сказали, что у них никогда такой не было. Я уже и не надеялась, что она живая, потому

что понимала, что у нее все плохо со здоровьем», — вспоминает Ирина.

Романа и мужа Натальи Виталия отпустили через несколько дней. «Ромку без синяков, без побоев, без ничего. Ну, сразу закрадывается мысль, что человек сказал все, что им нужно было знать», — рассуждает Ирина.

«Виталия я видел, он был практически синим от побоев. Его наручниками приковали и железным прутом воспитывали. Отпустили вместе с воякой в больничку, там ему врачи написали: упал с лестницы. А он не мог толком дышать и на боку лежать, — рассказывает Алексей. — Когда его выпустили, он был тише воды, ниже травы».

Ирина продолжала искать подругу. Весной 2024 года, когда ее запросы получили уже и в ООН, и в Международном комитете Красного Креста, с ней связалась освобожденная из российского плена женщина, которая рассказала, что Нонна и Виктор попали в один из ростовских СИЗО по обвинению в шпионаже.

Мать Виктора не общалась с семьей бывшего мужа и узнала о том, что случилось с сыном, только из письма Нонны. До этого она безуспешно «искала его по всем каналам», ходила в полицию и писала в российскую программу «Жди меня».

Смерть

Из СИЗО Нонна писала, что они с племянником оба «пострадали», но «по сравнению с ним» сама она «была только избита».

Наталья задержания не пережила. По словам сестры, «где-то с 8 по 14 сентября она лежала и не вставала вообще».

«Я их просила, чтобы они вызвали скорую помощь, а они не разрешали», — писала Нонна. 14 сентября Наталью все же увезли в больницу города Геническ, а на следующий день она умерла. Официальной причиной смерти указали сердечную недостаточность, вызванную гипертонией.

Опознать тело и похоронить женщину ее семья смогла только спустя несколько месяцев, когда знакомая случайно увидела ее документы в морге Днепрорудного.

«Я точно знаю, что, если бы они вовремя вызвали скорую помощь, она бы осталась жива», — писала Нонна.

«Я вам так скажу: хоронили в закрытом гробу, потому что она была седая, замученная. Ну хорошо, они написали это: ни одного вызова скорой помощи не было. Даже если подскочило давление, ну можно же было вызвать врача?» — недоумевает Ирина.

«По факту, ее забили насмерть, — считает Алексей. — В морге потребовали захоронить ее, как только обнаружили, чуть ли не на следующий день. Мое мнение: чтобы быстренько замести все следы. Когда ее хоронили, загримировали, но все равно было видно,

что лицо синее. У нее было давление, но она даже таблеток не пила».

Мужа Натальи Виталия, по словам Алексея, после ее смерти еще два раза забирали «повоспитывать», «перепроверяли его телефон» и «вынесли полхаты: компьютер, инструменты, скутер, лодку, консервацию всю позабирали — мародерствовали от души».

Обвинение

Прокуратура считает, что Нонна Галка с помощью племянника Виктора передавала информацию о местах дислокации и перемещениях российских войск своему сыну Александру, который служит в ВСУ.

«Не могли, — уверенно говорит Ирина. — Они переписывались очень редко, когда у Саши была связь. Он никогда не говорил даже где он, писал: жив-здоров, у меня все хорошо. И передавать она ему ничего не могла: Саша знал, насколько это опасно, и никогда бы даже не задал матери такой вопрос, зная, где она находится с двумя его братиками».

Оглашение приговора Виктору Мешнякову и Нонне Галке. Фото: Генпрокуратура

Ирина рассказывает, что виделась с Александром уже после того, как стало известно, в чем обвиняют

Нонну, и он показал ей всю переписку с матерью «с первых дней».

«Там не было ничего такого, за что можно было зацепиться. Он мог спросить: "Вы как? Как Женя, Толик, как твое здоровье?". Сам писал, что у него все хорошо, и — такой у нас был закон — если он не мог ничего писать, нужно было хотя бы утром прислать плюсик, и мы бы знали, что у него все нормально, — уверяет Ирина. — У нее ни фото в форме в телефоне не было, ничего, что могло бы быть доказательством».

«Какой шпионаж? Виктора из дома невозможно было выгнать погулять, подышать свежим воздухом... Он всегда мне говорил: "Мне и дома хорошо, буду есть вкусняшки под аниме или во время игры"», — соглашается Анна.

2 декабря 2024 года Ростовский областной суд назначил Нонне Галке и Виктору Мешнякову 15 лет заключения по статье о шпионаже[13] — несмотря на российское гражданство[14], полученное женщиной. Виктор будет отбывать срок в колонии строгого режима.

На протокольных фотографиях из суда родные впервые за несколько лет смогли их увидеть. Ирина говорит, что на снимке — «изможденная, седая, ужасно постаревшая женщина, от которой осталось килограммов 35».

Дело рассматривали в закрытом режиме; неизвестно, фигурирует ли в нем Наталья. По словам собеседника «Медиазоны», ее имя упоминалось в одном из первых

документов — постановлении об избрании меры пресечения.

Этап

Пока Нонну и Виктора держали в СИЗО в Ростове, они могли переписываться со своими близкими и волонтерами.

Виктор на условия не жаловался, но упоминал, что в одной из камер, где его содержали, было 36 человек — по трое на койку. «Всем было некомфортно, но ничего не поделаешь: в тесноте да не в обиде», — писал он.

Новым знакомым по переписке Виктор рассказывал о своей любви к культуре Азии и писал, что всегда хотел выучить английский язык и побывать в Канаде с ее «красивыми лесами и двухэтажными деревянными домиками».

Вскоре после приговора тетю и племянника перевели в СИЗО Новочеркасска. Письма от Нонны стали приходить «очень-очень с опозданием», а к Виктору, рассказывают те, кто пытался поддерживать с ним переписку, в изоляторе «было особое отношение»: он сидел в одиночной камере и не получал ни писем, ни посылок.

Пока Нонна была в СИЗО, его мать Людмила, по словам Алексея, перенесла инсульт. Ее должны были «сразу положить в реанимацию, чтобы откачать нормально», но вместо этого «пихнули в терапию, пара уколов и порядок — все привилегии воякам». Алексей рассказывает, что после этого пожилая женщина начала «по чуть-чуть теряться и сходить с

ума». Скорая «отказывалась приезжать». В начале 2025 года Людмила умерла. Нонна узнала об этом только на рассмотрении апелляционной жалобы[15] в апреле 2025 года.

После апелляции Нонна и Виктор долго ждали этапа. Нонна поехала в колонию в июле и только в сентябре смогла написать родным, что ее отправили в Мордовию в ИК-2. Там она работала швеей и несколько раз попадала в больницу из-за проблем с желудком. В конце декабря она перенесла операцию по поводу прободной язвы и кишечной непроходимостй. Новогодние праздники Нонна провела в реанимации. Она писала, что весит 40 килограммов, зато, в отличие от СИЗО, в колонии была возможность соблюдать назначенную врачом диету.

Виктора этапировали в Батайск, его близкие узнали об этом только в январе 2025-го. С тех пор, как его перевели в колонию, связи с ним нет.

14 июля Верховный суд рассмотрит кассационную жалобу на приговор Нонне и Виктору. Как пишет Нонна, племянника на заседании, «к сожалению, не будет». Саму ее в ожидании кассации временно перевели в московский СИЗО-6.

Муж Натальи Виталий какое-то время жил у Людмилы, а после ее смерти, по словам Алексея, «запил вообще капитально». Ирина говорит, что мужчина «перенес два инсульта», сейчас «наполовину дееспособный» и «достаточно плохо себя чувствует: одна сторона тела практически не работает, а речь нарушена».

Один из сыновей Натальи и Виталия погиб на фронте в прошлом году.

С Александром Галкой нет связи почти год. Младшие сыновья Нонны, Женя и Толя, остались с Романом в оккупированном Днепрорудном. Ирина рассказывает, что Александр пытался оформить опеку над братьями, но «когда дело уже дошло до документов», стало ясно, что Роман сделал детям российское гражданство.

«Ни один волонтер не согласился бы их вывезти, потому что воровство детей — это наказуемо», — говорит Ирина. Она «иногда пишет» Роману, тот «иногда отвечает». Женщина переживает за Женю: Роман и до войны «не очень приветствовал» сына Нонны от первого брака, из-за этого, по ее словам, они «вечно скандалили».

Выехать на подконтрольную Украине территорию из всей большой семьи смогла только младшая дочь Натальи Анастасия. Не так давно она родила вторую дочку.

«Папа в оккупации, связи практически нет, маму замучили на подвале, один брат погиб, второй воюет, — говорит о ней Ирина. — Мне вернуть бы всех, кого

можно, и собрать в кучку. Была большая семья, теперь не осталось практически никого».

Адреса для писем:

109383, г. Москва, ул. Шоссейная, д. 92, ФКУ СИЗО-6 ГУФСИН России по г. Москве, Галке Нонне Николаевне 1978 г. р.

Работает сервис «Ф-письмо»

346880, Ростовская область, г. Батайск, ул. М. Горького, д. 356, ФКУ ИК-15 ГУФСИН России по Ростовской области, Мешнякову Виктору Дмитриевичу 1998 г. р.

Работает сервис ZT

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Местные жители, поговорившие с «Медиазоной», называют таких людей в балаклавах участниками «добровольной дружины», связанной с российскими военными и ФСБ.

2. Население чуть больше 2 тысяч человек. В начале марта 2022 года Скельки оккупировала Россия.

3. Участников АТО, антитеррористической операции — войны в Донбассе в 2014-2018 годах.

4. Имя изменено.

5. Находится примерно в 14 км от Скелек.

6. Евгений Матвеев — мэр Днепрорудного, пропал в марте 2022 года. В декабре 2024-го его тело передали Украине. По данным украинских СМИ, Матвеев погиб после пыток в СИЗО-3 города Кизел в Пермском крае.

7. На начало полномасштабной войны в 2022 году.

8. На тот момент.

9. Официально — Днепрорудненский железорудный комбинат.

10. Гальваническое производство относится к особо вредным: рабочие контактируют с кислотами, щелочами и соединениями тяжелых металлов.

11. Имя изменено.

12. Имя изменено.

13. Статья 276 УК.

14. Гражданам России, обвиняемым в сотрудничестве с украинской разведкой, обычно вменяют не шпионаж, а госизмену (статья 275 УК).

15. Приговор остался без изменений.